

56. Резолюция I Всесоюзного съезда марксистов-государственников и правоведов по докладам Е. Пашуканиса и Я. Бермана // Совет. государство и революция права. 1931. № 3.

57. Пашуканис, Е.Б. Экономика и правовое регулирование / Е.Б. Пашуканис // Революция права. 1929. № 5.

58. Иезуитов, В. Учение о Советском государстве / В. Иезуитов, В. Резунов. М., 1931. Вып. 1.

59. Вышинский, А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права / А.Я. Вышинский // Основные задачи советского социалистического права : материалы первого совещания научных работников права, 16–19 июня 1938 г. М., 1938.

60. Вышинский, А.Я. Вопросы теории государства и права / А.Я. Вышинский. М., 1949.

61. Тилле, А. Право абсурда. Социалистическое феодальное право / А. Тилле. М., 1992.

62. Кечекьян, С.Ф. Нормы права и правоотношения / С.Ф. Кечекьян // Совет. государство и право. 1955. № 2.

63. Миколенко, Я.Ф. Право и формы его проявления / Я.Ф. Миколенко // Совет. государство и право. 1965. № 7.

64. Пионтковский, А.А. Некоторые вопросы общей теории государства и права / А.А. Пионтковский // Совет. государство и право. 1956. № 1.

65. Система советского социалистического права : тезисы / Ин-т права АН СССР. М., 1941.

66. Стальевич, А.К. Некоторые вопросы теории социалистических правовых отношений / А.К. Стальевич // Совет. государство и право. 1957. № 12.

67. Кучинский, В.А. Правоотношение – право или форма его реализации? // Юрид. журн. 2005. № 2.

68. Венгеров, А.Б. Теория государства и права : учеб. для юрид. вузов / А.Б. Венгеров. 3-е изд. М., 1999.

69. Проблемы государства и права / под ред. С.С. Алексеева. М., 1997.

70. Иванова, Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства / Г.М. Иванова. М., 1997.

71. Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924–1951. М., 1952.

72. Гринберг, М.С. Пределы принуждения (уголовно-правовой аспект) / М.С. Гринберг // Государство и право. 1994. № 4.

73. Гойман, В.И. Действие права (методологический анализ) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / В.И. Гойман. М., 1992.

74. Лившиц, Р.З. Теория права : учебник / Р.З. Лившиц. М., 1994.

75. Лазарев, В.В. Применение советского права / В.В. Лазарев. Казань, 1972.

76. Курицын, В.М. История государства и права России, 1929–1940 / В.М. Курицын. М., 1998.

77. Теория государства и права / под ред. Г.Н. Манова. М., 1996.

В.И. Павлов, заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ МОДИФИКАЦИЯ ПРАВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РАЗРЕШЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

С начала 90-х гг. XX в. на постсоветском пространстве как самостоятельный научный феномен стал активно исследоваться юридический конфликт. Полноценная традиция изучения юридических конфликтов – их сущности, разновидностей, особенностей возникновения и развития, механизмов разрешения и т. д. – в советской науке отсутствовала. Советская идеология постулировала бесконфликтную социальную модель, своеобразно интерпретируя теорию социального конфликта К. Маркса, хотя последний на Западе всегда считался одним из родоначальников конфликтного функционализма. Идеологическое признание конфликтности общества произошло на рубеже 80-х и 90-х гг. XX в., когда конфликтный функционализм был принят бывшими советскими республиками на общегосударственном уровне, причем принят априорно, в сущности, в качестве догмы. Конфликтологическое направление в социологии (Г. Зиммель, Р. Дарендорф, Л. Козер, Н. Луман и др.), которое и осуществило разработку конфликтной модели общества, между тем стало доминирующей доктриной в Западной Европе и Северной Америке только с 60–70-х гг. XX в. Причем вытеснение на Западе функционального направления в социологии (М. Вебер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс), которое основывалось на положении об относительно стабильной и интегрированной природе общественного устройства и патологическом характере социального конфликта, происходило естественно по мере так называемого усложнения западноевропейских обществ как открытых социальных систем (появление культуры потребления, стремительная экспансия масс- и медиакультуры, создание виртуализированных средств финансовых расчетов, развитие высоких технологий и внедрение их в различные сферы жизнедеятельности общества и т. д.) и было тесно связано с невозможностью нормативного контролирования социальных процессов, в них происходящих. Непосредственно с этим и связана разработка социологии сложных социальных систем на Западе. Немецкий социолог XX в. Н. Луман, перенеся нейробиологические принципы аутопоуезиса на социальные системы, отстаивал положение,

что в сложных (современных) обществах социальные системы «непрерывно интегрируются и дезинтегрируются, связываются лишь на мгновения и тотчас же вновь высвобождаются для самостоятельных операций подключения» [1, с. 16]. Сегодня конфликтный функционализм как социологическое направление, разработанное на эмпирической базе западных обществ, претендует на топологическую универсальность, причем его основная задача заключается в прогнозировании, предупреждении и разрешении социальных конфликтов исходя из предполагаемых аутопоэтических свойств общества как сложной самовоспроизводящейся и саморегулируемой социальной системы.

Развитие советского и постсоветского общества происходило по иной логике и полноценного приживания западных социологических моделей на нашей почве не произошло. Одна из причин такого положения дел заключается в инаковости социальной структуры, определяемой культурными, политическими, хозяйственными, ментальными и в особенности нравственно-религиозными особенностями народов бывшего СССР (в особенности России, Беларуси, Казахстана, Украины), которые в значительной степени воспроизводятся на уровне коллективного бессознательного. В связи с этим огромную важность приобретает вопрос об универсальности социальной конфликтологической модели, предлагаемой западной социологией, а соответственно об универсальности положения об исторически обязательном усложнении всех обществ. Характеризуя вышеприведенные взгляды Н. Лумана, современный российский философ Ф.И. Гиренок, например, говорит, что «у Н. Лумана нечеловеческий взгляд на мир... человек-кочевник выводится за пределы общества... он не является частью общества» [2, с. 216]. И действительно, в сложном обществе нет места человеку, социология сложных обществ видит только «акторов», «аттракторов», «институты», «связи», «подключения», «системы», «подсистемы» и т. д., по своей сути она внеантропологична. Еще одной немаловажной характеристикой функционально-конфликтной социологии является то, что ее разработка осуществлялась посредством анализа процессов усложнения развитых западных обществ в XX в., имевших в своей основе прежде всего внешнее, материальное, техническое усложнение, в то время как развитие и дореволюционного, и советского общества в первую очередь основывалось на внутреннем факторе – идее, на которую и нанизывались внешние социальные атрибуты.

Краткое описание процесса социолого-методологических трансформаций на постсоветском пространстве, с которого мы начали данную статью, имеет важное значение, поскольку раскрывает методологические предпосылки, необходимые для верного понимания возрос-

шего после распада СССР интереса к юридико-конфликтологическим исследованиям и преломлению традиционных правоприменительных процедур в контексте задач юридической конфликтологии. В частности, приведенная выше ретроспекция дает понимание методологических истоков такого нового междисциплинарного научного направления, как юридическая конфликтология, раскрывает процесс популяризации на постсоветском пространстве таких нетрадиционных для отечественной юридической практики способов реагирования государства и общества на правонарушения, как альтернативные процедуры разрешения конфликтов (Alternative Dispute Resolution (ADR) – медиация, негосударственная арбитражная процедура, сделка о признании вины и др.), объясняет исследовательский интерес к феномену юридического конфликта и в некоторой степени характеризует тенденцию вытеснения традиционной юридической категории «правонарушение» новой категорией «юридический конфликт». В то же время эта же характеристика во многом дает понимание неоднозначности использования ADR на постсоветском пространстве, обнаруживает сложности приживания и проблемы правоприменительной реализации новых правовых институтов (присяжных заседателей, третейского суда, посредничества и др.), методологически основанных на понимании правонарушения как юридического конфликта и претендующих на подмену традиционного публично-правового правоприменительного производства внеправовой процедурой. Нередко в современных русскоязычных исследованиях, посвященных юридико-конфликтологической проблематике, общая методологическая картина развития западной конфликтно-функциональной модели общества на пространстве бывшего СССР и ее влияния на традиционную правовую систему даже не анализируется и принимается как закономерный и естественный процесс. Вместе с тем, как мы полагаем, такое положение дел не является удовлетворительным: методологические истоки, причины включения новой «конфликтной парадигмы» в отечественный правовой дискурс должны обязательно всецело учитываться, в случае необходимости – соответствующим образом преломляться, приспосабливаться под традиционный образ функционирования национальной правовой системы.

Привнесение в отечественную правовую традицию элементов западной конфликтологической доктрины, несмотря на изначально иную направленность и расположение ее базовых принципов по отношению к национальному праву, тем не менее, дает нам возможность критически пересмотреть правовые средства, наибольшим образом влияющие на конечную эффективность регулирования общественных отношений, и попытаться осмысленно приложить, адаптировать конфликтологиче-

скую методологию к национальной правовой материи. Высказанное положение в полной мере применимо к деятельности по применению правовых норм, которая помимо традиционных для отечественной юридической науки функций в контексте конфликтологической методологии может приобрести более широкое социально-инструменталистское значение. Речь идет о том, что правоприменительная деятельность наряду с юрисдикционной функцией может выступать прямым средством разрешения юридических конфликтов, представляющих собой, в сущности, социальные конфликты, редуцированные, сведенные, а как выражаются специалисты-конфликтологи, – юридизированные в соответствующую (юридическую) форму их разрешения.

Традиционно в отечественной науке правоприменительный процесс рассматривается в качестве формально-юридической процедуры, основной задачей которой является специальная государственно-властная деятельность, направленная либо на нормальное возникновение, развитие и завершение конкретных правовых отношений, либо на разрешение правонарушений. Иными словами, цель правоприменительной деятельности сводится к достижению юридической эффективности правоприменения – к правильному применению правовой нормы и вынесению соответствующего правоприменительного решения по делу. Правоприменитель (судья, прокурор, следователь, дознаватель, участковый инспектор милиции и т. д.) нередко полагает, что единственной и самодостаточной целью его профессиональной деятельности является *юридически* верное и обоснованное решение и не более. И это действительно так, но лишь отчасти. Социальные внеюридические факторы неизменно сцеплены с, казалось бы, чисто юридической ситуацией, с юридическим конфликтом, но если тщательно рассмотреть природу последнего, то обнаружится, что юридическое является лишь, как правило, следствием указанной нами выше юридизации и не более того. Сущность правового спора всегда конкретно социальна (экономические интересы, политические мотивы, нравственные претензии, психологические противоречия и поводы и т. д.), и она нередко дает о себе знать в процессе его разрешения. Юридический конфликт сопровождается целым комплексом внеюридических моментов, или, если точнее, *смыслов* – прямых (проявленных, вербализованных, эксплицитованных – речь, жест, мимика и т. д.) и фоновых (дословных, подразумеваемых, имплицитованных – сокрытых в интонации, психологическом настрое (так называемые скрытые трансакции, «субъективно-подразумеваемый смысл» Вебера)), которые опытный и высокопрофессиональный правоприменитель практически всегда использует для формально-юридического разрешения дела, хотя, как правило, придать

этим смыслом качество формально-юридической информативности не представляется возможным. Но такая возможность, во-первых, объективно является уделом немногих профессионалов, фанатов своего дела и, во-вторых, инструментально остается за рамками правоприменения, поскольку в правовой теории на сегодняшний день она не входит в правоприменительный комплекс. Более же часто имеют место ситуации, когда юридический «вход» (принятие дела к производству) и юридический «выход» (вынесение правоприменительного акта), казалось бы, состоялись, но конфликт по существу разрешен не был – юридически эффективно, а социально безрезультативно.

Надо сказать, что в литературе все чаще высказывается мнение о необходимости расширения телеологии правоприменительной деятельности. Например, Л.А. Алексеева, проведя комплексное исследование социальной и юридической эффективности правоприменительной деятельности органов внутренних дел, отмечает, что «подход к оценке эффективности правоприменительной деятельности органов внутренних дел должен диалектически сочетать юридическую и социальную эффективность. Юридическая эффективность во многом связана с основной целью правоприменения – разрешение дела и вынесение соответствующего акта. Социальная эффективность правоприменительной деятельности связана с отдаленными целями и характеризуется позитивными изменениями, происходящими в обществе в результате правоприменения» [3, с. 6]. И далее: «В современных условиях ранее выработанные критерии оценки эффективности правоприменительной деятельности органов внутренних дел нуждаются в существенной корректировке, поскольку они не в полной мере учитывают соотношение юридической и социальной эффективности» [3, с. 6]. Однако, несмотря на подобные, безусловно, научно состоятельные предложения, правоприменительная практика, по нашему мнению, не сдвинется с места, пока не будет сделан догматический акцент на методологической модификации целей правоприменительной деятельности и эта идея в окончательно разработанной теоретической форме (модели) не будет апробирована и перенесена на практику. Объективно правоприменителю в практической деятельности предпринимать самостоятельные усилия по синхронному отслеживанию наряду с юридическими показателями социальной эффективности правоприменения очень сложно и обременительно, тем более когда оценка его деятельности производится на основании только результата *de jure*. *Здесь действительно необходима целостная модификация, всеохватывающий поворот правоприменения в сторону оценки его результатов с позиции социальной значимости.*

Указанная нами конфликтологическая методология, ставшая доступной в результате перенесения достижений западной конфликтно-функциональной социологической модели на постсоветское простран-

ство на рубеже 80-х и 90-х гг. XX в. и во многом явившаяся фактором, обусловившим зарождение на постсоветском пространстве такого нового междисциплинарного направления, как юридическая конфликтология, дает возможность своеобразно приспособить ее отдельные положения для модификации традиционной правоприменительной деятельности. Акцентируем внимание на том обстоятельстве, что речь не идет о механическом перенесении целостной юридической парадигмы с существенным преобладанием элементов ADR, вытеснением публичноправовых начал частноправовыми и т. д. Задача заключается в синхронном обогащении, дополнении традиционного юридического инструментария, используемого в процессе применения права, внеюридическими методологическими комплексами (социологией, конфликтологией, психологией, теорией нравственности), которые, не являясь юридическими, тем не менее, оказывают существенное влияние на действительную эффективность (комплексную социально-юридическую эффективность) правоприменительного решения. *Те внеюридические моменты, или та информация, о которой мы упомянули выше, на основании конфликтологической методологии должны определяться перед правоприменителем не просто в качестве наличествующей событийности, данности, в лучшем случае характеризующей личность, ту или иную правоприменительную ситуацию, но как заданность или задание, которое обязывает субъект правоприменения постигнуть цель смыслов происшедшего юридического конфликта, напрямую связанных с социальной эффективностью предстоящего правоприменительного решения по делу.* На основании использования комплексной юридико-конфликтологической методологии мы попытались разработать теоретическую модель правоприменительной деятельности по разрешению юридических конфликтов, учитывающую все те моменты, о которых сказано выше. Условно она получила название «технология правоприменительного разрешения юридического конфликта».

Обращение к методологии юридической конфликтологии для модификации правоприменительной деятельности уже имели место в литературе. Причем отдельные научные подходы к разрешению юридических конфликтов основываются на использовании как конфликтологического, так и юридического инструментария, т. е. в общем виде следуют той логике, которую мы изложили выше применительно к предлагаемому нами подходу. Так, например, Ю.А. Тихомиров с этой целью ввел даже специальный термин «правовой режим предотвращения и устранения юридических коллизий (конфликтов)», под которым, согласно авторской позиции, понимается совокупность правовых институтов,

нормативного массива со своими специфическими методами воздействия на коллизионные (конфликтные) процессы и ситуации [4, с. 143]. «Режим», по мнению исследователя, должен включать в себя такие составные элементы, как легальное признание юридических конфликтов как явлений, возникающих, существующих и проявляющихся в различных формах, точное определение субъектов отношений, возникающих в конфликтных ситуациях и процессах, выявление причин юридических конфликтов (установление юридических противоречий), ориентация на предотвращение противоборств, и ряд иных [4, с. 143–146]. Здесь явно прослеживается обращение к внеюридическим компонентам при формулировании «правового режима».

Известный специалист в области юридической конфликтологии Т.В. Худойкина сформулировала «общую технологию разрешения юридических конфликтов», включающую в себя подготовительную стадию, стадию применения способа разрешения конфликта и стадию выхода из конфликта [5, с. 40–41]. К заслугам автора можно отнести попытку осуществления вышеупомянутого синтеза юридического и конфликтологического знания в деле разрешения противоборств в правовой сфере, использования конфликтологического инструментария для разрешения юридических конфликтных инцидентов. Т.В. Худойкина предложила использовать элементы консенсуса, переговоров, посредничества при разрешении юридических конфликтов. При этом исследователь исходила из того, что «технология разрешения противоборств должна ориентироваться на согласование интересов, на компромисс, как признание конфликтующими сторонами правомерности притязаний их оппонентов, а также, по возможности, на консенсус» [6, с. 143].

Необходимо отметить, что разработка и «правового режима предотвращения и устранения юридических конфликтов» (Ю. А. Тихомиров), и «общей технологии разрешения юридических конфликтов» (Т. В. Худойкина) представляет собой значительное достижение юридической науки в целом и правовой конфликтологии в частности. Здесь вполне находят подтверждение слова Д.А. Керимова о том, что сегодня благодаря слиянию юриспруденции со смежными науками и их познавательным инструментарием возникает множество новых и оригинальных методологических направлений именно на стыке наук, перспективность которых не должна вызывать сомнений [7, с. 21, 24]. Авторы, первыми сделавшие попытки совместить конфликтологическое и юридическое знание посредством разработки комплексных механизмов разрешения юридических конфликтов, актуализировали данную проблему на теоретико-методологическом уровне и обозначили пути ее решения. Вместе с тем, несмотря на важную научную ценность, кото-

рую представляют описанные выше подходы, они все же имеют ряд принципиальных недостатков.

Во-первых, следует признать, что предлагаемые модели разрешения юридических конфликтов имеют весьма общий характер. Причина в том, что исследователи ставят своей задачей объять юридические конфликты во всех сферах и на основании этого создать единый (общий) механизм их разрешения. С общеметодологических позиций такой подход приемлем, однако не следует забывать, что юридическая конфликтология в большей мере является дисциплиной, ориентирующейся на практические задачи, главная из которых – предупреждение и разрешение юридических противоборств в конкретных сферах правовой действительности. Разработка же теоретических моделей разрешения конфликтов, как представляется, должна иметь конечной целью их эффективное применение на практике в конкретном поле юридических противоборств. Ситуативность разрешения юридических конфликтов и их разнообразие предполагают разработку конкретно определенных действий и операций, направленных на эффективное разрешение конфликта в той или иной правовой сфере.

Во-вторых, не должно оставаться без внимания и положение о том, что соединение юридического и конфликтологического инструментария для разрешения юридических конфликтов, как мы уже указывали выше, должно производиться не механистично, а органично, посредством сознательного учета и эффективного взаимодополнения научных положений о юридических конфликтах и правовых средствах их разрешения, что в рассмотренных выше концепциях нашло лишь частичное отражение. Применение комплексной методологии должно исходить из четкого представления о специфичности явления юридического конфликта и возможно допустимой степени смещения юридического и внеюридического элементов в правоприменительной деятельности.

В силу указанных причин в процессе построения предлагаемой нами технологии правоприменительного разрешения юридических конфликтов мы использовали научные положения, во-первых, о социальном и юридическом конфликте как самостоятельных феноменах и специфической взаимосвязи между ними, во-вторых, об особенностях трансформации (юридизации) социального конфликта в процессе правоприменительной деятельности в юридическую форму его разрешения и его бытийственной специфике уже в сугубо правоприменительном пространстве, в-третьих, о формально-организационных, тактических, коммуникативных, психологических, нравственных, эстетических и иных аспектах проявления и разрешения юридических конфликтов в правоприменительном процессе. Указанные научные поло-

жения с использованием конкретно-социологических данных были специально исследованы нами в самостоятельной научной работе [8].

Центральная идея технологии правоприменительного разрешения юридических конфликтов основывается на методологической посылке, согласно которой конфликт в правоприменительной деятельности представляет собой комплексное, цельное и в то же время сложное полиструктурное социально-правовое явление с наличием в нем, с одной стороны, противоречия реальных жизненных интересов сторон конфликта, имеющих юридическое значение (правовых интересов), зафиксированных на уровне конфликтной мотивации, с другой – формально-юридического противоречия субъективных юридических прав, обязанностей и охраняемых законом интересов. Если последнее противоречие актуализируется и непосредственно разрешается в правовых отношениях между субъектами конфликта, то противоречие правовых интересов на уровне мотивации также синхронно сопутствует юридическому противоречию, развивается и практически всегда присутствует (имплицитно или внешне выражено) в конфликтном процессе, влечет различного рода нравственные, психологические противостояния (оскорбления, недовольство, скрытые межличностные «игры», противоборство и т. д.), существенно влияющие на эффективность правоприменительного разрешения конфликта. Данное до- или внеюридическое противоречие жизненных интересов, имеющих для сторон конфликта в конечном счете юридическое значение, для достижения действительной эффективности правоприменительного решения также требует своего разрешения в процессе применения права.

Очевидно, что задача разрешения конфликта выходит за пределы «правоприменительной необходимости» и, наряду с правильным применением норм права к конкретным ситуациям, требует от правоприменителя совершения комплекса дополнительных действий, направленных на снятие противоречия правовых интересов, т. е. на цельное разрешение юридического конфликта. Это, в свою очередь, предполагает осуществление наряду с правовым и неправовым (конфликтологического) воздействия на юридические конфликты в процессе применения права. 72 % опрошенных нами правоприменителей (судей и сотрудников органов уголовного преследования МВД Республики Беларусь) согласились с такой позицией и подтвердили необходимость принимать активное участие в преодолении нравственных, психологических и иных внеюридических противоборств в юридических конфликтах.

Следует отметить то обстоятельство, что правоприменительная практика ввиду постоянного проявления юридических конфликтов в той или иной степени всегда следовала конфликтологическим реко-

мендациям по разрешению конфликтных ситуаций. В частности, в правоохранительной правоприменительной деятельности выработаны и применяются тактико-криминалистические приемы и способы преодоления конфликтов при расследовании уголовных дел, изучаются особенности развития конфликтных следственных ситуаций и т. д. [например, 9, с. 126–128]. Однако идеи о необходимости использования конфликтологического подхода не только в узкоотраслевых рамках, ограниченных задачей преодоления противодействия подозреваемого (обвиняемого), но и к правоприменению в целом для повышения эффективности правового регулирования посредством снятия конфликтных ситуаций и достижения общественного согласия практически не разрабатывались в таком контексте и стали появляться лишь в последние годы в связи с разработкой проблем юридической конфликтологии. Данная задача и решается нами посредством использования юридико-конфликтологической методологии, нашедшей отражение в технологии правоприменительного разрешения юридических конфликтов. Последняя может быть определена как *комплекс последовательно совершаемых правоприменителем действий и операций, направленных на разрешение юридических конфликтов и сгруппированных по соответствующим стадиям правоприменительного процесса*.

В юридической науке нет единства мнений относительно количества правоприменительных стадий и их наименования, однако, как верно отмечается в литературе, «сущность процесса применения права от различия в количестве и названиях теоретически выделяемых стадий не изменяется» [10, с. 39]. Применительно к технологии разрешения юридических конфликтов в качестве аналитической раскладки считаем наиболее целесообразным взять за основу развитие правоприменительного процесса в трех основных стадиях: а) установления фактических обстоятельств (фактической основы) дела; б) выбора и уяснения смысла (анализа) правовой нормы (установления юридической основы дела); в) вынесения правоприменительного решения по делу (хотя, конечно, реальное наличие и значение иных правоприменительных стадий (например, стадии реализации правоприменительного решения) также может быть подвергнуто анализу сквозь призму технологии разрешения конфликтов).

Правоприменительный процесс начинается с исследования фактических обстоятельств, подлежащих урегулированию посредством правоприменения. Правоприменение следует там, где создалась, по словам В.В. Лазарева, «фактическая ситуация, заставляющая пульсировать правовой порядок», которая и является «реальным основанием начала процесса применения норм» [10, с. 40].

Предлагаемый методологический подход, как мы уже упоминали ранее, заключается в оптимальном сближении правового и конфликтологического инструментария, что имеет целью достижение максимальной эффективности правоприменительной деятельности в разрешении конфликта. Отсюда следует, что на стадии установления фактических обстоятельств, равно как и на последующих стадиях, необходим комплекс действий, направленных на разрешение, во-первых, формально-юридических и, во-вторых, нравственных, психологических и иных противоречий и состоящих соответственно из двух блоков – юридического и конфликтологического. Юридический блок складывается из правоприменительных действий и операций, направленных на разрешение юридического конфликта с правовых позиций, конфликтологический – из действий и операций, направленных на разрешение юридического конфликта в его социально-психологической составляющей. Следует, однако, помнить, что разделение данных блоков носит условный характер, поскольку совершаемые в практической деятельности правоприменителем действия конфликтологического блока осуществляются в основном одновременно в неразрывной связи с правоприменительными действиями юридического блока.

Юридический блок правоприменительных действий по разрешению конфликта является обязательным компонентом любого правоприменительного процесса. На стадии установления фактических обстоятельств он предполагает совершение правоприменителем действий, направленных:

на установление нахождения фактических обстоятельств в сфере нормативного правового регулирования, т. е. определение того, является ли жизненная проблема юридическим фактом, влекущим возникновение, изменение или прекращение правовых отношений;

познание юридической значимости исследуемых обстоятельств и конкретного места в предмете регулирования соответствующей отрасли права;

осуществление доказывания, т. е. сбор, анализ, оценку доказательств и их представление в ходе процесса и при вынесении правоприменительного акта.

Перечисленные и ряд других вопросов юридического блока разрешаются в комплексе и полностью диктуются процессуально-определенной необходимостью действий по их выяснению. «Если выбор, анализ нормы права и принятие решения по делу являются в большей мере внутренним интеллектуально-волевым процессом, – отмечает Н.Н. Вопленко, – то выяснение фактических обстоятельств находится как бы „на поверхности“ всего процесса правоприменения, облекается в форму фактических и организационных отношений» [11, с. 60].

Осуществить эффективное разрешение конфликта невозможно без деятельности, входящей во второй, конфликтологический блок правоприменения. Здесь следует согласиться с мнением А.В. Полякова, что на стадии установления фактической основы дела необходимо установить «все обстоятельства, имеющие значение для разрешения правовой коллизии» [12, с. 794], в связи с чем уяснение вопросов, касающихся конкретного конфликта и его сущности, представляется обязательным для его эффективного разрешения.

Конфликтологический блок действий правоприменителя по разрешению конфликта на стадии установления фактических обстоятельств, таким образом, требует:

выявления (диагностики) конфликта, т. е. установления всех его элементов – определения противоборствующих сторон (основных субъектов конфликта), иных участников (заинтересованных лиц) и установления их нравственных, психологических и иных характеристик; объекта – не формально-юридического, но конкретного блага (материального, духовного, психологического), того, из-за чего в действительности между сторонами возникло реальное противоречие жизненных интересов; объективной стороны – внешней формы выражения конфликта, осознанного взаимонаправленного поведения субъектов и степени соответствия его скрытым (нравственным, психологическим) формам противодействия сторон; субъективной стороны – мотивации, причины и конкретной подлинной цели конфликтного поведения сторон;

познания социальной значимости конфликта, его конкретного места в системе общественных отношений (прежде всего в ряду нравственных отношений), стадии развития и степени обострения;

определения реальных регулятивных возможностей права в разрешении конфликта, в достижении социальной справедливости в конфликте и степени возможности правоприменительно восстановить нарушенную социальную гармонию, баланс социальных интересов, привести эскалатизированную ситуацию к замиренному социальному состоянию;

общего прогнозирования конфликта, предполагающего разработку различных вариантов развития конфликта с точки зрения удовлетворения правовых интересов каждой из сторон; прогнозирования позитивных и негативных последствий возможных вариантов развития конфликта для каждого из его субъектов и для правоприменительного процесса в целом;

определения наилучшего соотношения тактических, психологических и иных приемов и средств воздействия на конфликт в процессе применения права, позволяющего прийти к его наиболее эффективно-

му разрешению, формирования определенной линии или стратегии поведения по разрешению конкретного конфликта в правоприменительном процессе.

Как видим, вопросы, подлежащие выяснению в конфликтологическом блоке, не затрагивают формально-юридических процедурных аспектов, находятся в сфере интеллектуально-волевых возможностей правоприменителя и практически полностью зависят от его личностных качеств. Они исключительно направлены на отыскание «социального» среди «правового», на вскрытие пласта доюридизированной или внеюридической информации, как правило и несущей в себе основной «конфликтный код». Обращаясь к своего рода параллельному информационному уровню сопровождения социального конфликта, который в правоприменении был юридизирован в специальную форму его разрешения – конфликт юридический, правоприменитель приобретает возможность дотянуться до подлинных причин и условий происшедшего конфликта и, обнаружив их, получить возможность наиболее эффективно разрешить юридическое, а в итоге и социальное жизненное противоборство. Это, несомненно, способствует достижению не только юридической, но и социальной эффективности правоприменения в целом.

Наглядным примером совершения действий конфликтологического блока является деятельность такого специфического правоприменительного органа, как Республиканский трудовой арбитраж. При предупреждении и разрешении коллективных трудовых конфликтов как на стадии работы примирительной комиссии (ст. 380 Трудового кодекса Республики Беларусь), посредника (ст. 382), так и в арбитражном процессе (ст. 385) трудовой арбитр в первую очередь производит полную диагностику конфликта и иные необходимые действия, направленные на разрешение конфликта. В то же время это не исключает обязанности арбитра четко следовать арбитражно-процессуальной форме, закрепленной постановлением Совета министров Республики Беларусь от 27 августа 1999 г. № 1340, однако необходимость осуществления действий конфликтологического блока при вынесении правоприменительного решения арбитражем очевидна. Законодатель в соответствии со специфическим назначением арбитража – разрешать трудовые конфликты сознательно допускает и даже обязывает последний организовывать и осуществлять методическое руководство процедурами их разрешения, изучать причины и условия возникновения конфликтов в социально-трудовой сфере и т. п. (п. 3 Положения о Республиканском трудовом арбитраже, утвержденного указом Президента Республики Беларусь от 29 июня 1999 г. № 348). Думается, что внедрение в право-

применительную практику традиционных юрисдикционных органов действий конфликтологического блока также позволит оптимально воздействовать на юридические конфликты и принимать эффективные правоприменительные решения.

Таким образом, сущность первой стадии технологии правоприменительного разрешения конфликта заключается в установлении фактических обстоятельств, имеющих как юридическое, так и конфликтологическое значение. Причем если установление сугубо юридических обстоятельств облекается в форму фактических и организационно-правовых отношений, то установление обстоятельств конфликтологического блока полностью охватывается и обеспечивается интеллектуально-волевой направленностью деятельности правоприменителя.

Выбор подлежащей применению правовой нормы (или установление юридической основы дела) составляет вторую стадию правоприменительного процесса. На данной стадии осуществляется поиск нормативно-правового материала, необходимого для разрешения рассматриваемой фактической ситуации. Следует отметить, что данный поиск неразрывно связан с исследованием фактических обстоятельств дела. «Такая неразрывность процессов познания фактической и юридической природы рассматриваемого дела, – утверждает Н.Н. Вопленко, – даже в какой-то мере дает основание для объединения этих двух стадий правоприменительной деятельности в одну, которую можно было бы назвать стадией исследования фактических и юридических обстоятельств дела» [11, с. 60]. С.С. Алексеев в данной связи указывает на взаимопереплетение и взаимоперекрытие познания фактической и юридической основы дела, на необходимость постоянного обращения правоприменителя то к фактам, то к юридическим нормам: «на основе анализа норм возникает необходимость более глубоко исследовать фактические обстоятельства; анализ же фактических обстоятельств вынуждает вновь обратиться к нормам, уточнить отдельные юридические вопросы и т. д.» [13, с. 233]. Тем не менее при раскрытии сущности правоприменительного процесса посредством теоретического анализа целесообразно различать две данные стадии, два объекта юридического познания – факты в жизни и нормы права. Юридические нормы – это то, что применяется (тогда как обстоятельства дела – это то, к чему применяется, т. е. по существу объект применения) [13, с. 251]. Более того, если первая стадия процесса, как мы уже отмечали, облекается в форму фактических и организационно-правовых отношений, то выбор подлежащей применению правовой нормы, по сути, полностью охватывается интеллектуальной, исключительно мыслительной деятельностью субъекта правоприменения.

Юридически обязательным (юридический блок) на данной стадии является осуществление правоприменителем деятельности, включающей в себя:

выбор нормы материального права, подлежащей применению к конкретным обстоятельствам дела;

проверку подлинности и юридической значимости данной правовой нормы, ее действия во времени, в пространстве и по кругу лиц;

проверку правильности текста соответствующей правовой нормы; уяснение смысла и содержания правовой нормы.

Данная деятельность правоприменителя по установлению юридической основы дела направлена на достижение главной цели правоприменительной деятельности, заключающейся в целом в содействии реализации права [10, с. 47]. Однако наряду с отмеченными видами деятельности на данной стадии правоприменитель также отыскивает своего рода «обслуживающий» нормативно-правовой инструментарий, призванный способствовать успешному применению основной нормы. Данная деятельность включает в себя также:

определение всех тех норм, которыми придется руководствоваться в течение всего процесса применения права и на отдельных его стадиях, в том числе выбор норм процессуального права, обслуживающих применение материально-правовой нормы;

нахождение и проверку имеющих юридическое значение актов толкования применяемой нормы и норм, указанных в предыдущем пункте;

нахождение средств решения дела, когда конкретная норма, подходящая к установленным обстоятельствам, в законодательстве отсутствует, а отказывать в решении под этим предлогом запрещено.

Выяснение всех указанных выше вопросов преследует цель обеспечения правильной юридической квалификации.

В случае когда конфликт выступает в качестве фактического основания, на стадии установления юридической основы дела при применении технологии правоприменительного разрешения конфликтов дополнительно требуется осуществление следующих операций:

помимо непосредственного нахождения правовой нормы, которую следует применить для разрешения ситуации, соизмерение данной конкретной нормы, ее регулятивной способности относительно возможности эффективно воздействовать на конкретное конфликтное поведение сторон, выступить инструментом урегулирования конкретного конфликтного отношения. В данной связи задача правоприменителя при разрешении конфликта заключается в адекватном выборе правовой нормы – материально-правовой основы разрешения конфликта, что, в свою очередь, невозможно сделать без качественного совершения ука-

занных выше действий (полной диагностики конфликта, правильного толкования правовой нормы, проверки ее подлинности, юридической значимости и т. д.);

выбор норм процессуального права. Он в процессе правоприменения не менее важен, чем выбор материальной правовой нормы. От оптимальности выбора процессуально-правовой основы разрешения юридического конфликта зависит исключительная точность осуществления правоприменительных действий, перевода материально-правовых предписаний в поведение конфликтующих сторон. Данное положение особенно важно при возникновении так называемых внутрипроцессуальных конфликтов, которые возникают уже в процессе урегулирования основного материально-правового конфликтного инцидента (между следователем и подозреваемым (обвиняемым), свидетелем и подозреваемым (обвиняемым) и др.);

сопоставление и анализ конфликта с материально- и процессуально-правовыми нормами, выбранными для его разрешения. Это необходимо ввиду того, что в процессе разрешения конфликта различные его элементы часто подвергаются изменению (изменяются стороны, возникают иные противоречивые интересы, совершаются те или иные деяния и т. д.). А.С. Козлов в данной связи обращает внимание на необходимость выделения в правоприменительном процессе наряду с традиционными стадиями правоприменительного процесса стадии получения знания о правовых последствиях наступления юридически значимой фактической ситуации, состоящей в совершении правоприменителем действий по моделированию (выведению операций) наступления юридически значимой фактической ситуации; о содержании конфликтного правоотношения и его динамике в процессе. Как отмечает исследователь, данная стадия направлена на формирование «информационной базы решения», откуда следует верный вывод о том, что «получение информации о правовой ситуации является интеллектуальным элементом правоприменительных действий» [14, с. 46; 15];

прогнозирование как юридической, так и социальной эффективности правоприменительного решения в разрешении конфликта. В случае если имеются основания предполагать о последующей неэффективности предполагаемого к вынесению правоприменительного акта и если имеется соответствующая возможность, то следует избрать иной вариант разрешения конфликта (по возможности использовать альтернативные способы разрешения, разъяснить сторонам целесообразность такого решения).

Точное и адекватное определение материально-правовой и в особенности процессуально-правовой основы для эффективного разреше-

ния юридического конфликта является сложной и в то же время важной задачей для правоприменителя. Так, весьма затруднительно правильно выбрать процессуально-правовые нормы для эффективного разрешения конфликта без совершения действий по его диагностике. В частности, весьма сложно избрать адекватную меру пресечения подозреваемому (обвиняемому), избрать порядок, время и способ проведения необходимого процессуального действия без анализа конфликта. Выбор материально-правовой нормы не менее важен. Адекватная и своевременная юридическая квалификация с учетом конкретной конфликтной ситуации способна предотвратить назревающий и эффективно разрешить существующий конфликт. Известна практика правоохранительных органов, в частности в уголовном процессе, по квалификации деяния по принципу последующего исключения, т. е. вменения обвиняемому максимального количества уголовно наказуемых деяний с учетом последующего исключения отдельных эпизодов обвинения в судебном заседании. Такая ситуация не вызывает одобрения, она не только усложняет правоприменительный процесс, но и, как правило, усложняет юридический конфликт и провоцирует в дальнейшем ряд новых процессуальных конфликтов.

Наконец, выбор материально-правовой нормы для разрешения конфликта должен осуществляться непосредственно с прогнозированием юридической и социальной эффективности такого разрешения конфликта. Особенно это касается частноправовых конфликтных отношений, где помимо правового регулирования существенная роль принадлежит иным социальным регуляторам (нормам нравственности и т. д.). В частности, вряд ли следует утверждать об эффективности разрешения семейного конфликта при вынесении правоприменительного решения о расторжении брака, когда семья юридически распалась, а фактически продолжает существовать под одной крышей. В этом случае большое значение и приобретает конфликтология разрешения юридических конфликтов в правоприменительном процессе. Прогнозируя отсутствие социального эффекта от предстоящего решения на основании нормы права, правоприменитель (судья, сотрудник загса) должен предпринять определенные меры. Исследователь С.А. Чернышева, например, в качестве таких конфликтологических мер предлагает судье обязательную беседу с супругами, выяснение их отношения к конфликту, использование убеждения и внушения судьей по преодолению негативных последствий конфликта и т. д. [16, с. 100–101]. Возможно и желательно в данном случае привлечение психолога.

Вторая стадия правоприменительной технологии разрешения конфликта, таким образом, заключается в интеллектуальной деятельности

правоприменителя по установлению юридической основы разрешения конфликта, которая сочетается с одновременным нахождением материально-правовой основы разрешения конфликта, соблюдением процессуально-правовой основы разрешения конфликта и прогнозированием эффективности разрешения юридического конфликта.

Принятие окончательного правоприменительного решения и его документальное оформление – это центральный момент правоприменения. Как отмечается в литературе, вынесение правоприменительного акта представляет собой «своеобразный социальный и юридический итог всей предшествующей деятельности по познанию фактической и правовой основы рассматриваемого дела и квалификации общественного отношения» [11, с. 62]. На данной стадии осуществляется окончательное соотношение установленных фактических обстоятельств жизненного случая с его юридической квалификацией, выражаясь словами известного дореволюционного юриста Е.В. Васьковского, происходит «подведение частных случаев жизни под предусматривающие их в общей форме постановления» [17, с. 297].

Почти все современные правоведы признают, что сущность разрешения правоприменительного дела не ограничивается формально-логическим подведением жизненных обстоятельств под общее условие нормы. «Это творческая деятельность, предполагающая интеллектуально-волевой процесс индивидуализирования объективного права» [10, с. 55], причем такой интеллектуально-волевой процесс по принятию правоприменительного решения «вызревает» постепенно. Совершенно прав В.В. Лазарев, отмечая, что в самом начале процесса создается как бы проект будущего акта-решения, а затем постепенно с уточнением юридической квалификации и обстоятельств дела происходит «непрерывная умственная работа над этим проектом» [10, с. 54–55]. Таким образом, осуществляется своего рода переход от знания к воле, от мышления к практике, к принятию государственно-властных решений. Возникает как бы обратное преобразование, обратный процесс по сравнению с тем, который происходил при создании нормы, – происходит движение от абстрактных правил к конкретной действительности.

Стадия принятия правоприменительного решения является определяющей, поскольку именно здесь юридический конфликт находит свое правовое разрешение. В формально-организационном аспекте уже само вынесение развернутого мотивированного правоприменительного решения на завершающей фазе процесса должно благоприятствовать разрешению конфликта. Однако недостаточно просто соблюсти процессуальную форму и выработать юридически правильное правоприменительное решение. Эффективное разрешение юридических кон-

фликтов предполагает прежде всего наиболее оптимальное использование правоприменителем всей совокупности приемов и средств осуществления процессуальной деятельности для достижения в результате вынесения решения глубоких социальных целей, заключающихся в максимально возможном снятии посредством юридической формы реальных социальных противоречий. Правоприменительное усмотрение, толкование норм права, преодоление пробелов в праве, разрешение различных правовых коллизий в правоприменительном процессе позволяют в той или иной мере дифференцированно подходить к разрешению конкретных жизненных ситуаций в рамках правовых норм и достигать указанных целей. В частности, показательным является значение использования правоприменительного усмотрения при вынесении решения по делу.

В литературе справедливо отмечается, что одного умения формального оперирования установленными фактами и доказательствами явно недостаточно для успешного, конструктивного, полного разрешения жизненной ситуации [10, с. 56]. Редко можно встретить ситуацию, когда субъект, применяющий правовую норму, не будет вынужден поступить по усмотрению, т. е. проявить известную степень свободы в определенных законом рамках [18, с. 51]. Как говорит Н.Н. Вопленко, «усмотрение правоприменителя как психологическая, нравственная и правовая проблема имеет место всюду, где возникает необходимость в применении права» [11, с. 78]. Данное положение объясняется принципиальной невозможностью законодателя учесть в правовых нормах все специфические особенности конкретных обстоятельств каждого случая и в то же время указывает на *принципиальную ограниченность права* как инструмента регулирования отношений между людьми. Право ввиду своей природы имеет определенные пределы регулирования, которые определяются не столько шириной охвата общественных отношений, сколько глубиной и степенью проникновения правовой нормы (правила поведения) в «мотивационную ткань» человеческого поступка. Правильное понимание этого важного момента имеет существенное значение как для недопущения тотальной гегемонии юрицизма и надежды на правовое (в буквальном смысле) государство как на совершенный и конечный идеал развития общества, так и для преодоления тенденции неоправданной нигилизации правового регулирования общественных отношений. Следует иметь в виду, что при разработке правовых предписаний объективно возможно нормативно зафиксировать лишь до определенной степени конкретизированные и «схваченные» законодателем модели развития тех или иных регулируемых правом общественных отношений. Отсюда закон практически всегда пре-

доставляет лицам, его применяющим, известные возможности в определенных им рамках самостоятельно изыскивать пути для его наиболее правильного, оптимального, целесообразного и следовательно эффективного применения.

Наличие такой возможности для принятия правоприменительного решения, направленного на эффективное разрешение юридического конфликта, трудно переоценить. В процессе интеллектуально-волевой деятельности по выработке и принятию правоприменительного решения субъект правоприменения: а) на основе информации, полученной в результате предшествующей деятельности на предыдущих этапах технологии разрешения конфликта (о сторонах конфликта и совершаемых ими действий, степени обострения противоречия правовых интересов между ними и т. д.), б) посредством прогнозирования регулятивных возможностей применяемой нормы, в) преследуя цель наиболее максимально, оптимально, эффективно разрешить конфликт и добиться, соответственно, юридической и социальной эффективности от правоприменения, г) а также получить (в идеале) личное профессиональное и нравственное удовлетворение – что немаловажно для качественного правоприменения с точки зрения нравственно-психологических особенностей любой профессиональной деятельности – соответственно и должен использовать предоставленную ему степень усмотрения, а именно окончательно решить и определить, какой из вариантов правоприменительного решения будет наиболее максимально способствовать эффективному разрешению конфликта (например, судья в рамках правовой нормы решает вопрос о размере подлежащего возмещению материального и морального ущерба с целью разрешить конфликт и т. д.). На основании определения наиболее целесообразного, оптимального варианта разрешения конфликта, правоприменитель конкретизирует общие требования правовых норм применительно к конкретному юридическому конфликту посредством определения субъективных юридических прав и обязанностей.

Следует, конечно, сказать, что, несмотря на наличие «свободы» усмотрения, правоприменитель действует все же в рамках норм и при их несовершенстве не может выйти за их пределы, поэтому абсолютизировать данные возможности нельзя. Тем не менее во многих случаях именно усмотрение – одно из главных оснований для эффективного принятия решения. Успех же выработки наиболее оптимального варианта правоприменительного решения посредством усмотрения и следовательно разрешения юридического конфликта зависит от грамотности взвешивания, соизмерения не только сугубо юридических обстоятельств, но и указанных нами в конфликтологическом блоке вопросов

(о причине и объекте противоречия правовых интересов, мотивационной стороне развития конфликта и др.). Это в очередной раз подтверждает, что лишь посредством использования в правоприменительной деятельности комплексной, юридико-конфликтологической методологии можно достичь действительного осуществления (реализации) права в разрешении противоречия правовых интересов.

Большое, если не первостепенное значение в реализации положений технологии правоприменительного разрешения конфликтов имеет личность правоприменителя. Не имея возможности полноценно обратиться в рамках данной статьи к этому аспекту нашего исследования, укажем лишь, что помимо сугубо профессиональных качеств судьи, прокурора, следователя, вытекающих из их лидирующего правового статуса (властность, полномочий, представительство и действие от имени государства, роль организатора и руководителя процесса и т. д.), в контексте конфликтологической ориентации правоприменительной деятельности едва ли не равное по важности значение приобретает необходимость наличия у правоприменителя определенных внеюридических качеств, а также способностей к конфликтологической (нравственной, психологической, тактической, организационной и т. д.) практике по разрешению им жизненной ситуации. Не каждое лицо обладает такими качествами, не каждое имеет способности к их приобретению, поэтому и не всегда правоприменитель как специалист-правовед, своего рода техник, может оказаться хорошим конфликтологом. Среди этих качеств следует назвать коммуникативную компетентность и конфликтологическую квалификацию, заключающуюся в интуитивном чувствовании, распознавании эмоционально-психологической напряженности между конфликтующими сторонами, умение передавать и убеждать в своих представлениях о фактах и праве, ненавязчиво рекомендовать сторонам конфликта средства критической самооценки и саморегулирования, непрестанно бороться с профессиональным привыканием и связанным с ним душевным огрублением, видеть за каждым конфликтом живых людей с их переживаниями и представлениями и др. В связи с этим представляется, что особое требование на современном этапе должно предъявляться не только к профессиональным, но и к личностным, нравственным, психологическим качествам судей, сотрудников следственных подразделений, прокурорских работников и т. д.

Подводя итог проведенному исследованию проблемы методологической модификации правоприменительной деятельности в контексте разрешения юридических конфликтов, следует сказать, что идея внедрения конфликтологической методологии для совершенствования

правоприменительной деятельности находится пока в стадии становления. Безусловно, существуют отдельные проблемы синтеза традиционной юридической методологии и неюридических методологических средств, предлагаемых конфликтологами. Тем не менее, как нам представляется, и о чем мы уже упоминали в настоящей работе, идея учета в правоприменительном разрешении конфликтной ситуации достижений нравственной теории, психологической науки, конфликтологического, ситуационно-тактического знания всегда, во многом неартикулированно, присутствовала в арсенале средств опытных профессионалов-правоприменителей. Усложнение современных общественных отношений, высокая степень их подвижности, пересечения и накладывания различных видов взаимоотношений между людьми требуют адекватной реакции государства по поддержанию баланса социальных интересов, достижению уравновешенной социальной среды. В этом отношении расширение целевого назначения правоприменительной деятельности посредством придания ей операциональной функции по разрешению социальных (юридических) конфликтов представляется оправданным, однако для этого необходима теоретическая кристаллизация юридико-конфликтологической теории и ее внедрение в методологический арсенал теории правоприменения. Предлагаемая технология правоприменительного разрешения юридических конфликтов, будем надеяться, внесет определенный вклад в решение этой задачи.

Библиографические ссылки

1. Луман, Н. Дифференциация / Н. Луман ; пер с нем. Б. Скуратова. М. : Логос, 2006. 320 с.
2. Гиренок, Ф.И. Этнос глобализма / Ф.И. Гиренок // Удовольствие мыслить иначе / Ф.И. Гиренок. М. : Акад. проект, 2008. С. 215–219.
3. Алексеева, Л.А. Соотношение социальной и юридической эффективности правоприменительной деятельности (на примере органов внутренних дел) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Л.А. Алексеева ; Акад. упр. МВД РФ. М., 2002. 19 с.
4. Тихомиров, Ю.А. Коллизионное право : учеб. и науч.-практ. пособие / Ю.А. Тихомиров. М. : Юринформцентр (Тихомиров), 2000. 394 с.
5. Худойкина, Т.В. Юридический конфликт (теоретико-прикладное исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Т.В. Худойкина ; Нижегород. акад. МВД России. Н. Новгород, 2002. 55 с.
6. Худойкина, Т.В. Юридический конфликт: динамика, структура, разрешение : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Т.В. Худойкина ; Нижегород. акад. МВД России. Саранск, 1996. 189 с.
7. Керимов, Д.А. Философия и философия права / Д.А. Керимов // Право и образование. 2002. № 5. С. 4–26.

8. Павлов, В.И. Юридические конфликты: теоретико-методологические аспекты разрешения в процессе применения права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В.И. Павлов ; Бел. гос. ун-т. Минск, 2006. 121 с.

9. Питерцев, С.К. Тактика допроса / С.К. Питерцев, А.А. Степанов. СПб. : Питер, 2001. 160 с.

10. Лазарев, В.В. Применение советского права / В.В. Лазарев. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1972. 199 с.

11. Вопленко, Н.Н. Социалистическая законность и применение права / Н.Н. Вопленко ; под ред. М.И. Байгина. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1983. 184 с.

12. Поляков, А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : курс лекций / А.В. Поляков. СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 864 с.

13. Алексеев, С.С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. / С.С. Алексеев. Свердловск : Свердл. юрид. ин-т, 1973. Т. 2. 401 с.

14. Козлов, А.С. К вопросу об объективной реальности правовых явлений / А.С. Козлов // Проблемы советского государства и права : межвуз. темат. сб. / Иркут. гос. ун-т ; редкол.: О.В. Иванов (гл. ред.) [и др.]. Иркутск, 1977. Вып. 13. С. 46–51.

15. Козлов, А.С. Место и роль судов общей юрисдикции в механизме правового регулирования / А.С. Козлов // Сибир. юрид. вестн. [Электронный ресурс]. 1999. Режим доступа : <http://lawinstitut.ru/science/vestnik/19992/kozlov.html>. Дата доступа : 4.05.2009.

16. Юридическая конфликтология : в 3 ч. / Рос. акад. наук, Центр конфликтолог. исслед. ; отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1994. Ч. 2 : Юридический конфликт: сферы и механизмы. 172 с.

17. Теория государства и права : хрестоматия : в 2 т. / авт.-сост.: В.В. Лазарев, С.В. Липень. М. : Юристъ, 2001. Т. 2. 604 с.

18. Гончаров, В.Б. Проблема усмотрения правоприменяющего субъекта в правоохранительной сфере / В.Б. Гончаров, В.В. Кожевников // Государство и право. 2001. № 3. С. 51–60.

В.А. Кучинский, профессор кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, профессор

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА СТИМУЛИРОВАНИЯ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В условиях формирования демократического социального правового государства в Республике Беларусь все большее внимание ученых-правоведов и практикующих юристов уделяется совершенствованию